

СПАСАТЕЛЬ

Стоит немного отъехать от областного центра, и уже где-нибудь на Острогской трассе помянут тебя простоволосые ветлы над деревенскими крышами, донесется издали собачий лай да вквотанье кур... И такими родными покажутся проселки, ведущие к затерянным селам и хуторам!

Николай Дмитриевич Тараканов родился в самой сердцевине Черноземья, в этих благословенных местах села Гремячьего. Во всех своих делах он всегда помнил, какие корни взрастили его, какая огромная страна стоит за его спиной и какая милая сердцу земля греет его и поныне.

Сюда, в эти донские места, приезжает он и в минуты радости, и в минуты житейских невзгод и раздумий, чтобы снова набраться той силы, имя которой Родина!

Вот он, небольшого роста, с поставленным командирским голосом, уверенными повадками: может и прикрикнуть, и прихвастнуть, когда в окружении своих сестер идет по аллее старого сада к дому. В разное время в родительский дом приезжали все пятеро братьев и две сестры.

Густая листва старых деревьев о чем-

то задумчиво шепчет. Видимо приветствует хозяина усадьбы, который так горячо и нежно любит свои родные места. Все последние годы прожили здесь его родители — мать Наталья Васильевна и отец Дмитрий Тихонович.

За столиком, накрытым льняной скатертью, под яблонькой, отягченной плодами, уже собрались родные и земляки. Каждый дорог ему, в их биографиях есть нечто схожее, близкое, родное. Они всегда рады новой встрече с легендарным земляком.

Как точно заметил Николай Дмитриевич: «В деревне — каждый на виду, люди знают не только тебя, но и несколько поколений твоих предков, так же, как и ты знаешь своих соседей. Если твои поступки отражаются на чести всей семьи, всего рода — это одно дело, и другое, если ты человек без роду-племени, кочуешь с места на место, меняешь работу, друзей. В таких условиях легко забываются как твои неблагоприятные деяния, так и благородные поступки».

Николай Дмитриевич Тараканов — писатель, автор трех десятков книг об армейской жизни.

В 1953 году будущий генерал закончил Гремяченскую среднюю школу и

Николай Дмитриевич Тараканов

поступил в Харьковское военное техническое училище. Учебу завершил круглым отличником, лейтенантом с медалью.

Потом были годы службы в училище. Но сухая академическая карьера его не прельщала. Хотелось чего-то живого, и он пишет рапорт о переводе в войска.

Вскоре попадает в Краснознаменный полк войск гражданской обороны, стоявший под Харьковом, на должность командира взвода.

За три года окончил заочное отделение Харьковского автодорожного института и был направлен полковником в Саратов, где практически с нуля построил военный городок.

В 1967 году Николая Тараканова переводят в только что открытое маршалом Чуйковым Московское высшее военное училище войск гражданской обороны на преподавательскую работу.

Через несколько лет Тараканов поступает в адъюнктуру Военно-инженерной академии имени Куйбышева и защищает кандидатскую диссертацию.

Его вскоре приглашают в недавно созданный Всесоюзный научно-исследо-

вательский институт гражданской обороны. И вновь завидное для многих продвижение по службе — Тараканов становится заместителем начальника штаба Гражданской обороны РСФСР.

«Вот оттуда, — признается он, — моя карьера понеслась так, что не позавидует никто. Я попал в Чернобыль, где вместе с заместителем председателя Совета Министров СССР Борисом Щербиной руководил работой по ликвидации последствий аварии.

«Чернобыльские записки» писал в госпитале на больничной койке после трагических событий 1986 года.

Особо опасная зона

В течение трех месяцев генерал Тараканов командовал операцией по ликвидации катастрофы в особо опасных зонах Чернобыльской АЭС. Работы велись при чудовищном уровне радиации — свыше 1000 рентген в час.

Приведу лишь некоторые свидетельства той встречи.

— Сентябрь 1986 года, третий месяц моей служебной командировки в Чернобыле. Мои близкие товарищи и сослуживцы разъезжались по домам. Как правило, офицеры и генералы более одного-двух месяцев здесь не задерживались. Я дал согласие на продление командировки до трех месяцев. Начальство в Москве не возражало.

Практически все, кто работал на атомной станции, имели возможность, сами того не зная и не замечая, «нахвататься» радиации выше разумных пределов. Ведь прежде чем посылать на всякие работы солдат — офицеры, особенно химики — шли первыми. Они замеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения местности. Самые опасные и ответственные работы по дезактивации предстояло выполнить на кровлях третьего энергоблока, где было сконцентрировано значительное количество высокорadioактивных материалов, выброшенных при аварии на четвертом блоке. Это были куски графитовой кладки реактора, тепловыделяю-

щие сборки, циркониевые трубки... Мощности доз от отдельно лежащих предметов были слишком высокие и весьма опасные для жизни человека.

И вот вся эта масса с 26 апреля по 17 сентября лежала на кровлях третьего энергоблока, площадках главной вентиляционной трубы, развеивалась ветрами, омывалась дождями в ожидании, пока наконец дойдет черед и до ее удаления. Все ждали и надеялись на робототехнику. И дождалась! Вертолетами несколько роботов из ГДР были доставлены в особо опасные зоны — но они не сработали. Аккумуляторы сели, а электроника отказала.

16 сентября 1986 года, в соответствии с полученной шифровкой я вылетел на вертолете в Чернобыль. Прибыл в 16 часов на заседание правительственной комиссии, которое проводил Борис Евдокимович Щербина. Речь шла о месте захоронения высокоактивных материалов. Решение было единственным — сбрасывать их в аварийный реактор. Говорили о дефиците времени: поджимали сроки закрытия «саркофага».

Крыша реактора

Академическая наука ничего разумного не разработала в организации таких работ в особо опасных зонах. Пришлось самим создавать и на ходу оборудовать специальный командный пункт. Там мы установили телемониторы, для связи с АЭС и оперативной группой Министерства обороны. В особо опасных зонах были выставлены телевизионные камеры с пультом управления по трем осям и регулировкой фокуса трансфокаторами. Камера позволяла вести обзор и крупным планом рассматривать отдельные предметы. На этом КП я проводил инструктаж командиров, ставил конкретные задачи каждому военнослужащему.

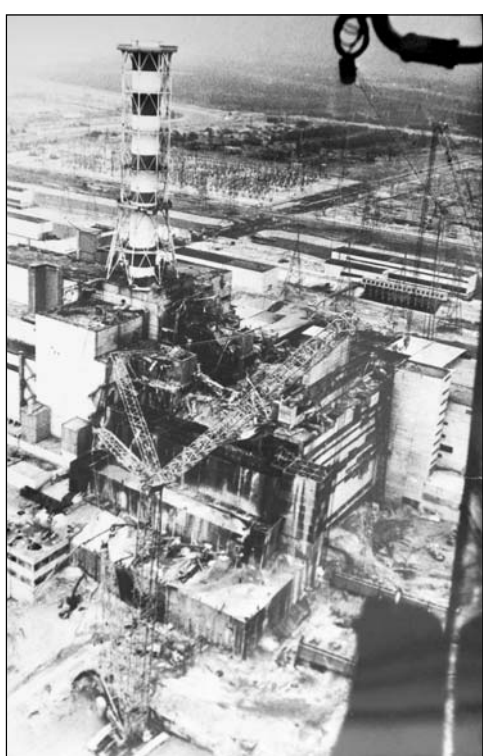
Особые обязанности возлагались на выводного и маршрутного офицеров. Выводной офицер нес персональную ответственность за точность соблюдения

времени работ. Он лично подавал команду «Вперед!» и запускал секундомер, он же давал команду на прекращение работ в зоне и включал сирену.

В руках офицера была жизнь воинов. Малейшая неточность или ошибка могли иметь трагические последствия. Не меньшая ответственность возлагалась и на маршрутных офицеров. Сначала дозиметристы водили их по сложным лабиринтам в особо опасные зоны. И только после этой подготовки маршрутный офицер мог выводить свою команду в зону работ.

Обычно маршрутный офицер выводил до 10–15 команд солдат, и его дозовая нагрузка становилась предельной, то есть 20 рентген.

19 сентября по полудню началась адская операция в особо опасной зоне третьего энергоблока. Через полчаса я был на командном пункте, который размещался на 5001-й отметке. Солдаты ба-

Разрушенный блок Чернобыльской АЭС

Наставление перед работой

тальяна уже переоделись и стояли в строю — всего 133 человека.

Я поздоровался. Довел официальное распоряжение министра обороны на проведение операции. В конце своего выступления попросил всех, кто плохо себя чувствует и не уверен в собственных силах, выйти из строя. Строй не шелохнулся...

Первыми в зоны постоянно ходили разведчики, всякий раз уточняя меняющуюся радиационную обстановку.

Солдаты и офицеры

Первую пятерку воинов во главе с командиром майором Бибой я лично структурировал у телемонитора, на экране которого отчетливо были видны зона работ и все находившиеся в ней высоко-радиоактивные материалы. Вместе с командиром вышли в зону сержанты Канарейкин и Дудин, рядовые Новожилов и Шанин. На старте офицер запустил секундомер, и началась операция по удалению радиоактивных материалов. Воины работали не более двух минут. За это время майор Биба успел сбросить совковой лопатой почти 30 килограммов радиоактивного графита, сержант

Канарейкин с помощью специальных захватов удалил разорванную трубу с ядерным горючим, сержант Дудин и рядовой Новожилов сбросили семь кусков смертоносных тепловыделяющих элементов. Каждый воин, прежде чем сбросить смертоносный груз, должен был заглянуть в развал реактора — заглянуть в ад...

Наконец секундомер замер! Впервые зазвучала сирена. Пятерка воинов во главе с комбатом быстро положила шанцевый инструмент в указанное место, мигом покинула зону через отверстие в стене и последовала на командный пункт. Здесь дозиметрист, он же и разведчик, Дмитров вместе с военным врачом сняли показания дозиметров и объявили персонально каждому полученную им дозу облучения. Дозы у первой пятерки не превышали 10 рентген...

Штурм трубной площадки

24 сентября. Начало штурма трубных площадок. Первыми на 5001-ю отметку прибыли воины полка Гражданской обороны из Саратовской области. В этом полку, в должности полкового

инженера, проходила моя служба с 1962 по 1967 год, когда я с семьей переехал из Украины в Россию.

И вот теперь в аду Чернобыля, на отметке 5001, стоял личный состав воинов Саратовского полка. Не было тут ни друзей, ни знакомых... Я коротко выступил перед личным составом, рассказал, что мы работаем шестые сутки. Но предупредил, что предстоит работа самая сложная и самая опасная. Назвал уровни радиации зон (более двух тысяч рентген в час), где они, мои однополчане, начнут операцию по сбору и удалению высокоактивных элементов.

Внимательно всматриваясь в лица, я громко объявил, как и вчера, и позавчера, и ранее: «Кто не уверен в себе и кто плохо себя чувствует, прошу выйти из строя!» Не вышел никто. Командиру полка я отдал распоряжение разбить личный состав по командам, начать переодевание в защиту, а потом уже представлять на инструктаже.

В 8 часов 20 минут начался штурм первой трубной площадки. От воинов саратовцев эстафету приняли саперы инженерно-дорожного полка, потом полка химической защиты и завершили воины отдельного химического батальона.

Красный флаг над саркофагом

27 сентября был очень памятный для меня день. В это утро мои коллеги по операции на АЭС в шутку говорили: «Ну, наконец-то чернобыльского генерала снимают с трубы». Но это была лишь маленькая передышка. Дело в том, что 26 сентября прилетел из Москвы генерал армии Варенников. Мне уже поздно вечером сообщили, что на следующее утро меня будут заслушивать о ходе операции. Никаких шпаргалок для доклада не готовил — вся информация была в голове.

Утром 27 сентября состоялось совещание. До совещания Варенников долго расспрашивал о работах на АЭС, особенно его интересовало состояние строительства «саркофага», результаты ра-

бот по дезактивации первого, второго и третьего энергоблоков.

На совещании хриплым голосом докладывал о мужестве наших солдат, сержантов и офицеров, о выполненных объемах работ, о том, что еще осталось сделать.

2 октября 1986 года мы успешно завершили операцию по удалению высокоактивных элементов. Всего было сброшено в развал четвертого энергоблока около 200 тонн ядерного топлива, радиоактивно зараженного графита и других элементов взрыва.

Специальная комиссия обследовала район работ на крышах энергоблоков, крышах машинного зала и трубных площадках главной вентиляционной трубы, на которую был поднят красный флаг в знак победы над «белой» смертью.

Солдаты на всю жизнь запомнили генерала Тараканова, как отца родного, и с мужской, не напоказ гордостью, позже могли сказать: «Он был с нами». Эта скупая солдатская похвала выше любого ордена.

— Я не знаю судьбу всех солдат-чернобыльцев. Не все были награждены. Многих уже сегодня нет. Но все они — четыре тысячи солдат, — свято верит генерал Тараканов, — достойны звания Героя России.

Ниточка с иголкой

Супруга Зоя Ивановна вместе с мужем делила пополам все радости и горести, стараясь свести к минимуму скорбь и печаль. Так и прожили без малого шестьдесят лет, основательно, дружно, как ниточка с иголкой. Даже ездила к мужу в Чернобыль! Сколько раз этой очаровательной хрупкой женщине приходилось срочно собирать в командировку чемоданчик, подниматься вместе с мужем по тревоге среди ночи.

«Родной мой дружок» — так начинались сотни писем к жене. Николай Дмитриевич о Зое Орешкиной до сих пор хранит их все, жене и спутнице, которая спасла его от смерти, говорит с

теплотой и болью. Она ушла в начале ноября 2017 года, дом осиротел, а он, облученный во время спасательных работ на Чернобыльской АЭС, остался один.

Ломила голова, заканчивались силы, из носа и десен сочилась кровь, кожа на щеках рвалась от бритвы. Все это были нехорошие признаки. Тараканов понимал, что схватил критическую дозу, но гнал от себя эту мысль прочь.

— Однажды я вышел к машине и потерял сознание, — рассказывает Николай Дмитриевич. — Меня срочно отправили в Киев, в больницу, такую же «кремлевскую», как и у нас, в Москве. По данным анализов, во мне было более двухсот бэр облучения. Смертельная доза — от шестисот.

Тараканов думал, что спит, когда жена вошла в палату и положила ему на лоб свою прохладную руку. Тихо прошептал ей:

— Извини, Зочка, не уберегся.

А сама плачет. Прилетела специально из Москвы в Киев к нему. Как врач прекрасно понимала, что муж почти обречен. Его могло спасти только чудо. Потом полгода в клинической больнице в Москве, где один за другим умирали отважные чернобыльские пожарные, ставшие под конец жизни для всех остальных такими же смертельно опасными ядерными объектами, как и сам чернобыльский реактор.

— Другие жены приезжали в больницу, но пускали не всех, — вспоминает генерал. — Зоя проходила — была своя. Она про мое состояние знала лучше, чем я.

Отдавала свои силы, всю энергию. Свою любовь. И я вот все жил и жил, не умирал.

Его спасло обыкновенное чудо — жена, положившая жизнь и карьеру ради мужа.

Землетрясение в Армении

— Все порывался уволиться, но когда грянуло землетрясение в Армении, внутренний голос подсказал мне: ты снова должен быть там. Я ведь доктор

Минута семейной жизни.

Николай Дмитриевич
с женой Зоей Ивановной

наук в области ведения спасательных работ в очагах ядерного поражения. Спитак — это не последствия ядерной войны, конечно, но завалы-то и руины везде одинаковые, — говорит генерал.

Еще не придя в себя от последствий лучевой болезни, получивший инвалидность, прошедший долгое лечение за границей, Тараканов в декабре 1988 года отправился откапывать живых и мертвых в Спитаке.

«Спитак оказался куда страшнее Чернобыля! Разорванные тела, стоны под руинами... Поэтому нашей главной задачей было не только помочь и вытащить из завалов живых, но и достойно, по-людски, по-христиански проводить погибших. Продолжалось это на протяжении полугода», — позже напишет Николай Дмитриевич в своих воспоминаниях.

Он опять спасал мир. Жена снова его

ждала. За тридцать пять лет службы у Николая Тараканова было по двести дней командировок в год. Поэтому их медовый месяц так никогда и не закончился. Он виделся с женой даже реже, чем с подчиненными.

На 50-летие их супружеской жизни подарил Зое Ивановне толстую книгу, в которую включил все стихи, посвященные ей, пока они были в разлуке.

«Ты всегда придавала мне силы, когда я чувствовал, что их больше нет», — напишет он в одном из многочисленных писем.

И она отвечала.

У Зои Ивановны каллиграфический, совсем не докторский почерк, четко и округло выведена каждая буква в слове: «Колюша, я так скучаю по тебе, просто невозможно, я уверена, что ты и вполночь так не скучаешь по мне. Милый, хотя бы нам снова побыть вместе».

Пять лет спустя после Чернобыля генерала пригласили отметить дату. В этот раз он взял с собой Зою. Станция

была уже дезактивирована, окрестности безлюдны. Опасаться было нечего. Но страна рушилась. 1991 год — период полного распада государства, закончился гораздо быстрее, чем полураспад радиоактивных изотопов...

Уж и впрямь говорят: обманчива бывает седина. Такие люди, как Тараканов, заранее знают, на что идут, выбрав беспокойную, опасную работу. И чем больше боли, сострадания видит он на своем пути, тем больше сил обретает русский генерал из российской глубинки.

В пору беспамьятства, когда людские судьбы и история самой страны перекраиваются на все лады переписчиками разного толка — сегодня очень важно появление книг лауреата международной литературной Шолоховской премии Николая Тараканова — непосредственного участника трагических событий на Чернобыльской АЭС и Спитакского землетрясения в Армении.

Николай КОЛТАКОВ

Набирала силу весна 1986 года. Уже установились теплые деньки, но вдруг прогноз погоды пообещал в ночь на 26 апреля приличные заморозки. Многие дачники, а точнее владельцы садовых участков, в спешке выезжали из Москвы и в длинной веренице легковых машин мчались по Киевскому шоссе спасать свои фруктовые деревья. Какая-никакая, а своя собственность. Ведь сколько сил и здоровья было вложено в освоение заболоченных участков земли только в нашем армейском садовом товариществе «Дубрава», что под Калугой! Зато у нас росли яблони и груши, сливы и вишни, малина и клубника, смородина и крыжовник, и прочее. И теперь все это было дорого.

Мы с моим близким и давним другом полковником Геннадием Васильевичем Граммаковым, как и многие другие, тоже рванули спасать свои посадки от мороза. Езды до наших участков, что рядом с поселком Ивакино, в пределах полутора часов. За разговорами в дороге время пролетело незаметно. И это бывает нередко, когда с тобой рядом настоящий друг. Тут уж тем для разговоров, шуток хоть отбавляй. Мой спутник Геннадий Васильевич — человек с большой армейской биографией. По профессии — финансист. Но до чего же талантлив! Помню, я возглавлял комиссию по проверке гражданской обороны Якутской АССР. Он был в составе комиссии и проверял всю финансовую деятельность республиканского штаба Гражданской обороны. Проверка закончилась возбуждением уголовного дела по неправильному расходованию денежных средств. Нити тянулись и в наш штаб Гражданской обороны Российской Федерации. Забавно: когда мы с Геннадием Васильевичем докладывали предсовмина Якутии В.И. Петрову результаты общей проверки, он в конце вдруг предложил Граммакову должность министра финансов. Вот с тех пор я частенько называю его министром. Нас сблизили и армейская

служба, и нелегкие, затяжные командировки, и не менее важное обстоятельство — неравнодушное отношение к стихам великих поэтов России, таких, как Фет, Тютчев, Пушкин, Баратынский, Есенин, Кольцов и многих других.

...И вот мы уже в «Дубраве». Всю ночь жгли солому. Дым окутывал густой пеленой деревья и спасал их от мороза. Когда же дым доводил нас до слез, мы бежали в дом, пили горячий чай, ели бутерброды и, малость передохнув, вновь жгли солому. Так незаметно, в дыму и гари, пролетела эта ночь 26 апреля 1986 года, которая стала одной из самых трагичных не только для нашей страны, но и для всей планеты.

Разумеется, никто из нас не мог предположить, что в эту же роковую ночь за сотни километров от Москвы произошла страшная беда, которая практически отразилась на каждом из нас. Авария в Чернобыле болью отозвалась в сердцах миллионов. Но мы пока еще ничего не знали.

Для нас все началось с пронзительного телефонного звонка из Москвы. Командант дачного поселка, участник Великой Отечественной войны, сапер 62-й армии маршала В.И. Чуйкова М.И. Журавлев, который в жаркие дни Сталинградской битвы под градом пуль и снарядов обеспечивал переправу через Волгу, бежал теперь по дачам офицеров и генералов и передавал всем, что объявлен «сбор», а для чего — он, естественно, не знал.

В общем-то, в этом не было ничего необычного. Офицеров гражданской обороны вызывают на службу в нерабочее время довольно часто: где-то разбушевалась стихия, вспыхнули лесные пожары, угрожает гидротехническим сооружениям ледоход, произошло землетрясение, а то и просто очередная тренировка или учения.

Потушили мы с Геннадием Васильевичем свои костры, привели себя в порядок и на скоростях отправились в Москву. Заехали домой, переоделись и — в штаб, на службу.

Уже через два часа мы были в кабинете начальника штаба Гражданской обороны РСФСР. Здесь собрались все его заместители и начальники отделов. Весь облик его будто говорил: случилось нечто чрезвычайное. И первые же его слова подтвердили наши предположения: «Товарищи! В стране произошло чрезвычайное происшествие — взрыв на Чернобыльской АЭС. Обстановка там очень сложная, и многое пока не ясно. Я только что от товарища Виталия Ивановича Воротникова. Принято решение в штабе Гражданской обороны России и в ряде АССР, краев и областей Российской Федерации, которым может угрожать радиоактивное заражение, создать оперативные группы и установить контроль за возможным загрязнением радиацией. С этого момента и до особого распоряжения наш штаб переходит на круглосуточную работу. Оперативную группу штаба будут возглавлять генералы — мои заместители. Первым сегодня заступает на дежурство генерал-лейтенант Попов Глеб Всеволодович...»

Таким было для нас начало длинной цепи драматических событий, которые стали известны всей планете как чернобыльская трагедия.

Сразу же после совещания мы, как люди военные, по первым отрывочным данным пытались смоделировать ситуацию. Прикидывали, взрыву какого по мощности ядерного заряда могут соответствовать последствия аварии. Сошлись на мысли, которая может показаться парадоксальной и даже кощунственной: авария в Чернобыле по некоторым параметрам и особенно радиоактивному загрязнению ничуть не «лучше» ядерного взрыва. Тем более, что теперь долгое время будут выделяться радиоактивные выбросы, заражая почву, воду, растительность, продукты питания.

Чернобыльская трагедия поставила много вопросов: технических, организационных, нравственных. Мы привыкли к людям-символам. Если культ, то Ста-

лина, если волонтеризм, то Хрущев, застойные годы — Брежнев, перестроечные — Горбачева. Словно и не было многих и многих борцов с негативными явлениями и столь же немалого количества карьеристов, прихлебателей, жуликов, просто подонков, чьими усилиями эти явления распространялись. Словно и не было объединенных определенными интересами классов, социальных групп в нашем обществе, словно нет противоречий и борьбы между ними.

Нечто подобное просматривается и на примере Чернобыля. Залечивать раны после аварии, порожденной преступной халатностью, пришлось армии, гражданским специалистам, ученым. Но и в этой ситуации за единицами широко известных героев — десятки, сотни и тысячи простых солдат и офицеров, проявивших не меньший героизм, а за должностными лицами, осужденными судом, — десятки и сотни тех, кто так или иначе способствовал их преступлению. Но где сегодня грань между теми и другими? Или, может быть, кому-то выгодно раствориться в общей массе? Чтобы не было ни героев, ни преступников, а все были равны? И как сделать, чтобы каждому (именно каждому!) воздать должное, дабы восторжествовала справедливость?

Над этими и другими допросами мне и хотелось бы поразмышлять. А отправными пунктами наших размышлений пусть станут действительные события, факты, живые и мертвые люди, с которыми мне довелось длительное время работать в зонах ряда областей, подвергшихся радиоактивному заражению, и у разлома четвертого энергоблока, а позже встречаться в больничных палатах, которых я наблюдал в экстремальных ситуациях и в минуты спокойных раздумий.

Итак, бой с невидимым противником начался для нас 26 апреля. И, как всякий бой, он высветил, чего стоит каждый его участник, выявил достоинства и изъяны в подготовке войск и управлении ими. Но обо всем по порядку.

27 апреля 1986 года в 9 часов 00 минут я принял дежурство по оперативной группе от генерал-лейтенанта Г.В. Попова. Глеб Всеволодович, активный участник войны, организовал работу оперативной группы по-боевому: офицеры были распределены по направлениям и добывали необходимые сведения о состоянии радиоактивного заражения на местности, объектах, продуктах питания от подчиненных штабов Гражданской обороны автономных республик, краев и областей. На основных автомобильных магистралях, ведущих к Москве, а также в ряде городов Российской Федерации были развернуты и функционировали контрольные посты и пункты специальной обработки по дезактивации автомобильного транспорта. На постах велся строгий контроль и учет зараженной техники. Автомобильный транспорт был самым опасным объектом переноса радиоактивных загрязнений. Помню десятки случаев, когда в мое дежурство поступала нестандартная и несколько необычная информация по задержке радиоактивно зараженного транспорта даже на подъездах к Москве.

Наиболее характерный из них. 16 мая в 3 часа ночи позвонил начальник оперативной группы штаба Гражданской обороны Московской области и доложил, что на одном из постов задержана грузовая машина ЗИЛ-131, которая везет сыр из Брянска в Москву. При дозиметрическом контроле обнаружен повышенный фон радиации, причем только на машине. Дежурный спросил меня: «Что делать?» Я ему: «Ну, если сами не знаете, тогда слушайте: сыр срочно перегрузить в первую попавшуюся «чистую» машину с помощью ГАИ, а этот автомобиль дезактивировать». Под утро доложили, что машину отмыли и отправили по назначению.

Были зафиксированы и случаи другого рода: машина совершенно радиоактивно чистая, а продукция заражена выше допустимых норм.

Исключительно добросовестные дозиметристы на контрольных постах круглосуточно несли дежурство вместе с работниками Госавтоинспекции и задерживали радиоактивно загрязненный автотранспорт. Среди автолюбителей было не-

мало недовольства в связи с частыми заторами на дорогах. Было это на многих магистралях, ведущих в Москву, Ленинград, Минск, Ростов-на-Дону, Воронеж, Калугу. Но жесткий контроль ставил надежный заслон на путях проникновения в глубь страны радиоактивно зараженных частиц на автомобилях, особенно тех, которые следовали с южного и западного направлений, то есть с Украины и из Белоруссии.

Без преувеличения скажу, что наша группа работала по-фронтальному. За сутки дежурства офицеры обычно окончательно выматывались. Всю ночь «выбивали» сведения, а к 8 часам утра на карту уже наносилась уточненная радиационная обстановка. Карты районов с наиболее сложной обстановкой готовились отдельно. К картам разрабатывались специальные графики изменений радиационной обстановки — начиная с первого дня после аварии. Отдельно прилагались сводные таблицы по основным показателям зараженности местности, воды, продовольствия, транспорта и т.д.

Признанным авторитетом в оценке и анализе радиационной обстановки был, к примеру, полковник Евгений Иванович Коптелов. Он — образец современного высокоэрудированного, интеллигентного офицера. Его отличали аккуратность и аналитический склад ума. Никогда не было лишних слов в его речи и докладах. Кроме всего прочего, он постоянно занимался спортом, по лыжам — неизменный чемпион объединенного спортивного коллектива Гражданской обороны СССР. Он в свои 55 лет легко переносил тяжелые физические и психологические нагрузки в любое время суток. Начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Дмитрий Андреевич Крутских ценил Коптелова, но и «гонял» по всем областям, подверженным радиоактивному загрязнению.

Забегая несколько вперед, скажу: когда я уже всюду трудился в Чернобыле, вдруг примерно в августе приехали посланцы России — начальники отделов полковники Е.И. Коптелов и Ю.К. Сорокин. Спрашиваю: «А вы-то зачем?» Оказывается, их направил в командировку генерал-полковник Д.А. Крутских для изучения накопленного опыта по ликвидации последствий аварии в Чернобыле. Выделил я им вертолет, и они несколько дней летали и воочию знакомились с радиационной обстановкой на местности, а не по картам.

Как правило, к 8 часам утра печатался доклад с анализом обстановки, выводами и конкретными предложениями. Особенно часто откорректированный мною доклад печатала Лена Пряхина. Казалось бы, совсем гражданский человек, и что ей до наших хлопотных дел? Однако она печатала вплоть до моего отъезда в Чернобыль. Я не помню, чтобы она проявила недовольство или опоздала в штаб к 7 часам утра.

А в 8 часов ежедневно начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Д.А. Крутских заслушивал доклад начальника оперативной группы обо всех деталях обстановки и после этого уезжал в Совет Министров для доклада правительственной комиссии РСФСР. Когда доклад его проходил успешно, он приезжал окрыленный, в добром настроении, шутил, но стоило кому-то из нас допустить оплошность — получай по заслугам. Строго, но справедливо.

Порой обстановка была нервной, офицеры хронически недосыпали и иногда допускали неточности. Многие из нас и после дежурства оставались на службе и продолжали каждый по своему направлению вести работу. Честно сказать, были офицеры, которые к такому режиму работы оказались неподготовленными и тяжело переносили нагрузки. Иногда проявлялось и неумение офицеров решать нестандартные задачи.

Во многих областях Российской Федерации обстановка была беспокойной, особенно в Брянской, Тульской, Калужской, Липецкой, Воронежской областях. В эти области вылетали члены правительственной комиссии России, министры, ге-

нерал-полковник Д.А. Крутских, офицеры штаба и многие другие руководители и специалисты.

Как-то в 23 часа позвонил мне Дмитрий Андреевич и приказал назавтра к 10 часам утра вызвать с картами по обстановке начальников штабов Гражданской обороны Калужской, Тульской, Воронежской и ряда других областей для заслушивания.

Для некоторых из них приглашение было неожиданностью. За ночь едва добрались. Отдельные доклады были сумбурными. Разбор Дмитрий Андреевич сделал суровый, а некоторые уехали с взысканиями. Большинство же начальников штабов своевременно овладели обстановкой, привели в готовность соответствующие службы гражданской обороны. Особенно четко было поставлено дело в Московской области, где начальником штаба был Герой Советского Союза генерал-майор Николай Петрович Варягов, в городе Москве — генерал-лейтенант Анатолий Васильевич Ермаков. Словом, экстремальная ситуация дала четкую оценку деловым и нравственным качествам многих должностных лиц, их организаторским способностям. Вместе с тем, ряд таких оценок оказался для нас полной неожиданностью. Взять, к примеру, начальника штаба Гражданской обороны Воронежской области полковника Л.Ф. Лизова. В середине апреля 1986 года, то есть всего за полмесяца до описываемых событий, в Воронежской области на реках Воронеж и Дон создавалась чрезвычайно опасная обстановка в период половодья. На реке Воронеж от берега оторвало плавучий кран и понесло на мост, столкновение с которым создавало угрозу его разрушения. Полковник Лизов проявил тогда армейскую находчивость и смекалку. Находясь в вертолете, он по радиии связался с военными летчиками, попросил безотлагательно направить самолет, сообщил нужные координаты для бомбометания по этому плавучему крану, дабы его потопить. Летчики отреагировали немедленно. Прицельное бомбометание — и крупный мост через реку Воронеж и плотина были спасены.

А ровно через две недели произошла авария в Чернобыле. В Воронеже срочно собралась чрезвычайная комиссия. Оперативный дежурный в течение двух часов не мог найти начальника штаба. Была допущена халатность и дежурного, и самого Лизова. Эта комиссия постановила ходатайствовать об отстранении полковника Л.Ф. Лизова от должности, несмотря на то, что он привел доказательства, что был действительно занят по службе. Командование сочло применение столь строгой меры к находившемуся ранее на хорошем счету офицеру справедливым.

Я и сам не раз задумывался: справедливо ли такое? Служит человек безупречно 25–30 лет, и вдруг на тебе — один раз не оказался там, где положено, и вся предыдущая служба, доброе имя вроде бы и насмарку... Размышляя над этим, прихожу к выводу, что так и должно быть. Ведь задача офицера в том и состоит, чтобы всей службой готовиться к тому, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте и незамедлительно действовать, как полагается. Этот нужный момент для кого-то наступает один раз в жизни, для кого-то не наступает вовсе. Но готовность к нему — смысл нашей службы. Конечно, это постоянное напряжение дается нелегко, но оно необходимо. И если бы каждый в полной мере понимал это, не было бы ни рустов, ни чернобылей и других аварий, уносящих порой человеческие жизни.

Пример с полковником Лизовым не был типичным. В целом развертывание системы наблюдения и контроля на территории ряда областей Российской Федерации было произведено весьма оперативно. Теперь все зависело от конкретных людей, их профессиональной подготовленности, ответственности и нравственной позиции. Задача стояла одновременно простая и сложная: быстро и точно оценивать обстановку, оперативно передавать информацию о ней, принимать необходимые меры. Но, как показала жизнь, выполнение этой задачи потребовало от

ряда должностных лиц определенного гражданского мужества, которого хватило не всем.

Подлинно драматические события развернулись на Чернобыльской АЭС, в самом Чернобыле и в Припяти в первые часы после аварии. И причиной их стала не только вышедшая из-под контроля энергия атома, но и вполне контролируемые человеческие страсти — как высокие, так и низменные. Но всему этому предшествовала разыгравшаяся трагедия века. Она совершилась глубокой ночью...

Поскольку мне по долгу службы приходилось не раз принимать участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, могу засвидетельствовать, что если по физическим затратам, масштабам работ они бывают сопоставимы с Чернобылем, то психологически бороться с «рукотворной» стихией куда сложнее. Когда идет борьба с природой, все люди оказываются «по одну сторону баррикад». Тут нет приукрашивания обстановки, попыток замазать какие-то негативные моменты. Здесь люди ни в чем не повинны, а потому положение дел представляют таким, каково оно есть на самом деле. На ряде же этапов ликвидации последствий чернобыльской аварии приходилось сражаться не только с незримым, но порой и с тщательно скрываемым недобросовестными должностными лицами противником...

Вообще еще до выезда в Чернобыль, находясь в Москве и получая соответствующую информацию, я пытался мысленно смоделировать ситуацию, отработать варианты действий людей в этой чрезвычайной обстановке, используя при этом опыт работ по ликвидации последствий стихийных бедствий. Хорошо понимал: один из важнейших вопросов, от которых зависит успех дела, заключается в том, как поведет себя в данных условиях каждый конкретный человек.

Теперь о технологии преступления.

В чернобыльской катастрофе человек был повинен от начала развития аварии и до конца. Процесс развития трагической аварии складывался примерно так. Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС в эксплуатацию был введен в декабре 1983 года. На 24 апреля 1986 года была запланирована остановка блока на планово-предупредительный ремонт. Программа проведения испытаний с отключенными защитами реактора в режиме полного обесточивания АЭС была утверждена главным инженером Н.М. Фоминым, который не отличался особой компетентностью. Проведение подобного опыта предлагалось многим директорам АЭС, но так как большинство руководителей понимали опасность и значительный риск, то все они отказывались играть с огнем.

Перед остановкой были запланированы испытания турбогенератора № 8 в режиме выбега с нагрузкой собственных нужд. Цель этих испытаний — экспериментально проверить возможность использования механической энергии ротора, отключенного по пару турбогенератора для поддержания производительности механизмов собственных нужд блока в условиях обесточивания. Этот режим используется в одной из подсистем быстродействующей системы аварийного охлаждения реактора (САОР). При надлежащем порядке выполнение эксперимента на работающей АЭС не запрещалось.

Подобные испытания уже проводились и ранее на Чернобыльской АЭС. Еще тогда было выявлено, что напряжение на шинах генератора падает намного раньше, чем расходится механическая энергия ротора при выбеге. В испытаниях, намеченных на 25 апреля 1986 года, предусматривалось использование специального регулятора магнитного поля генератора, который должен был устранить этот недостаток. Однако «Рабочая программа испытаний турбогенератора № 8 Чернобыльской АЭС», в соответствии с которой они должны были проводиться, не была должным образом подготовлена и согласована.

Качество программы оказалось низким, предусмотренный в ней раздел по ме-

рам безопасности составлено формально. В ней указано лишь то, что в процессе испытаний все переключения делаются с разрешения начальника смены станции, в случае возникновения аварийной ситуации персонал должен действовать в соответствии с местными инструкциями, а перед началом испытаний их руководитель, инженер-электрик, не являющийся специалистом по реакторным установкам, проводит инструктаж дежурной вахты. Помимо того, что в программе, по существу, не были предусмотрены дополнительные меры безопасности, ею предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора. Это означало, что в течение всего периода испытаний, то есть в течение четырех часов, безопасность реактора окажется существенно сниженной.

В силу того, что безопасность этих испытаний не было уделено должного внимания, персонал к ним не был готов, не знал о возможных опасностях. Кроме того, как это будет видно из дальнейшего, персонал допускал отклонения от выполнения программы, создавая тем самым условия для возникновения аварийной ситуации.

25 апреля в 1 час ночи персонал приступил к снижению мощности реактора, работающего на номинальных параметрах, и в 13 часов 05 минут турбогенератор № 7 был отключен от сети. Электропитание собственных нужд было переведено на шины турбогенератора № 8.

В 14 часов в соответствии с программой испытаний от контура многократной принудительной циркуляции (КМЩЦ) была отключена САОР. Однако по диспетчерскому требованию вывод блока из работы был задержан. В нарушение регламента эксплуатацию блока в это время продолжалась с отключенной САОР. Это была роковая ошибка Фомина.

В 23 часа 10 минут снижение мощности было продолжено. В соответствии с программой испытаний выбег генератора с нагрузкой собственных нужд предполагалось произвести при помощи реактора 700-1000 МВт (тепл.). Однако при отключении системы локального автоматического регулирования (ЛАР), что предусмотрено регламентом эксплуатации реактора на малой мощности, оператор Л. Топтунов не смог достаточно быстро устранить появившийся разбаланс измерительной части автоматического регулятора (АР). В результате этого мощность упала до величины ниже 30 МВт (тепл.). Только в 1 час 26 апреля 1986 года ее удалось стабилизировать на уровне 200 МВт (тепл.). В связи с тем, что в этот период продолжалось «отравление» реактора, дальнейший подъем мощности был затруднен из-за малого оперативного запаса реактивности, который к этому моменту был существенно ниже регламентного. Это понимали начальник смены А. Акимов и Л. Топтунов.

И все же испытания решено было проводить. В 1 час 03 минуты и в 1 час 07 минут дополнительно к шести работавшим главным циркулярным насосам (ГЦН) было включено еще по одному ГЦН с каждой стороны, с тем чтобы после окончания эксперимента, в котором в режиме выбега должны были работать четыре ГЦН и КМЩЦ, осталось бы четыре ГЦН для надежного охлаждения активной зоны.

Тут следует остановиться на особо важном преступнике — заместителе главного инженера АЭС А. Дятлове. Ведь это он в период проведения эксперимента командовал парадом. Он появился на Чернобыльской АЭС еще в 1973 году. До этого работал на одном из предприятий Дальнего Востока, где заведовал физлабораторией. На АЭС никогда прежде не работал и не знал их. И вот этот человек силой власти заставил оператора Л. Топтунова поднять мощность реактора. И тот поднял... Это был смертный приговор себе и многим товарищам...

Во всей этой трагедии были повинны А. Дятлов, Н. Фомин и директор АЭС В. Брюханов.

В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены блока А. Акимов нажал кнопку

аварийной защиты (АЗ-5), по сигналу от которой в активную зону вошли все регулирующие стержни и стержни аварийной защиты. Стержни прошли вниз, однако через несколько секунд раздался удар, и оператор увидел, что стержни-поглотители остановились, не дойдя до нижних концевиков. Тогда он обесточил муфты сервоприводов, чтобы стержни упали в активную зону под действием собственной тяжести.

А. Акимов многого не знал, так как никогда не работал даже старшим инженером управления реактором, который он пытался изучить, и даже сдавал экзамены на рабочее место. Но вот тонкости конструкции тех же поглощающих стержней он не учел, потому что был инженером-электриком. А ведь именно в конструкции поглощающего стержня притаились смерть и вся последующая трагедия чернобыльской ядерной катастрофы...

Примерно в 1 час 24 минуты раздался последовательно два взрыва. Над четвертым блоком, как свидетельствовали очевидцы, взлетели какие-то горящие куски и искры. Часть из них упала на крышу машинного зала и вызвала пожар.

Уму непостижимо, как преступно подбирались кадры на этот особо важный объект, которым было доверено проведение опаснейшего эксперимента.

Так же непостижимо уму и то, что на таком объекте, как АЭС, в погоне за сиюминутной выгодой решили проводить эксперимент. Но, что удивительно, тот же Акимов до самой смерти, которая наступила 11 мая 1986 года, продолжал высказывать одну и ту же мучившую его мысль, что он делал все правильно. Не принято говорить о покойнике плохо, но невозможно удержаться от оценки безразличности и отсутствия понимания лично Акимовым совершенного преступления. То же самое позже твердил и Дятлов.

Да разве можно было с такими знаниями ядерной энергетики, знаниями реактора браться за столь ответственный эксперимент? Безумие! Это же настоящая диверсия.

Основным мотивом в поведении персонала было стремление быстрее закончить испытания. Персонал совершил беспрецедентное преступление перед своим народом и всем человечеством. Такими же преступниками стали и руководители АЭС. Итак, аварию сотворили одни, а расхлебывать пришлось ни в чем не повинным людям.

В результате взрыва в реакторе и выброса разогретых до высокой температуры фрагментов его активной зоны на крыши некоторых помещений служб реакторного отделения, деаэрационной этажерки и машинного зала возникло свыше 30 очагов пожара. Из-за повреждения отдельных маслопроводов, коротких замыканий в электрических кабелях, интенсивного теплового излучения от реактора образовались очаги пожара в машинном зале над турбогенератором № 7, в реакторном зале и примыкающих к нему частично разрушенных помещениях.

Особенно жуткая обстановка сложилась в машзале, откуда пробкой вылетел старший машинист турбины В. Бражник, который сообщил о пожаре и тут же бросился в огонь и смертоносную радиацию. Несколько человек последовали его примеру. Акимов и Дятлов тоже заглянули в машзал и увидели ужасную картину: горело в нескольких местах на 12-й и нулевой отметках, на желтом пластике выделялись раскаленные графитовые блоки и куски топлива. Седьмая турбина была завалена обломками кровли. Чад, черный пепел, хлопьями падающий вниз, хлещущее из разбитой трубы горячее масло, проломленная кровля, нависшая над пропастью машзала панель перекрытия. Акимов позвонил в пожарную часть.

В 1 час 30 минут на место аварии выехали дежурные подразделения пожарной части по охране АЭС из городов Припяти и Чернобыля. Первым прибыл караул лейтенанта В. Правика. Позже прибыл майор Л. Телятников.

Ввиду угрозы распространения пожара по покрытию машинного зала на соседний, третий блок и быстрого его усиления первоочередные меры были направлены на ликвидацию пожара именно на этом участке. Было также организовано тушение возникающих очагов горения внутри помещений с использованием огнетушителей и стационарных внутренних пожарных кранов. К 2 часам 10 минутам на крыше машинного зала и к 2 часам 30 минутам на крыше реакторного отделения основные очаги пожара были подавлены. К 5 часам утра пожар был ликвидирован. Но трагедия пожарных заключалась в том, что они совсем забыли, что пожар был на АЭС после взрыва четвертого атомного блока.

Пренебрегая мерами безопасности, пожарные получили такое облучение, которое стоило им жизни. Руководитель тушения пожара офицер Л.П. Телятников, ныне Герой Советского Союза, повинен в том, что не организовал периодическую замену всех расчетов с учетом радиационной обстановки, которой, по всей вероятности, он не владел. Ведь все пожарные, в том числе и Телятников, хорошо знали, что они охраняют атомную электростанцию, а потому должны были давным-давно отработать план борьбы с возможными пожарами в условиях радиации. Кроме того, они должны были иметь и соответствующую защиту, и приборы радиационной разведки.

Авария на АЭС привела к полному разрушению реактора и его активной зоны, системы охлаждения, а также к разрушению здания реакторного зала, верхней плиты, герметизирующей реакторный отсек. Эта плита находилась почти в вертикальном положении. Верхняя часть реакторного зала была полностью разрушена, на крыше машинного зала, на территорию вокруг АЭС были выброшены целые графитовые блоки и их куски, железобетонные плиты, металлоконструкции. Из жерла реактора постоянно шел белый в несколько сот метров высотой столб продуктов горения (графита), а внутри реакторного пространства образовалось мощное малиновое свечение. Причинами свечения были раскаленные графитовые блоки, оставшиеся на месте, а также горение графита с выделением белого продукта химической реакции — суммы оксидов углерода. Обычная скорость горения графита — одна тонна в час. В четвертом блоке его было заложено около 2,5 тысяч тонн. От их горения радиоактивность могла распространиться на большие территории.

Первые измерения показали, что якобы существуют мощные нейтронные излучения. Если бы это было так, то некому было бы писать эти записки, и некому было бы их читать. Человечество было на грани глобальной катастрофы. Бог или случай спас нас тогда: при последующих замерах и осмотре вблизи реактора наличие мощного нейтронного излучения не подтвердилось...

К 10 часам 26 апреля в Чернобыль самой первой прибыла воинская часть гражданской обороны из Киева, личный состав которой провел углубленную радиационную разведку на территории АЭС и в 30-километровой зоне. Только после данных о радиоактивном загрязнении территории, полученных воинами гражданской обороны, руководство АЭС и города Припяти, наконец-то, осмыслило всю пагубность этой беспрецедентной аварии и по масштабам, и по последствиям. Все впервые и всерьез задумались над тем, что придется отвечать за преступление.

К исходу 26 апреля оставшиеся три реактора были заглушены. Четвертый, аварийный реактор беспрестанно извергал в атмосферу огромную массу высокоактивных элементов, и они щедро выпадали вокруг АЭС, в городах Припяти, Чернобыле и далее разносились по всему белому свету. Население Припяти и Чернобыля, уже не говоря о других населенных пунктах, жило в неведении, никто о радиационной опасности не оповещал. Будто никогда не было в этих городах гражд-

данской обороны, руководители которой в первые часы после аварии обязаны были известить свой народ и уберечь его от облучения.

Примерно около 21 часа 26 апреля в город Припять прибыл заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина, с которым позже мне довелось работать. Он же возглавлял и Бюро по топливно-энергетическому комплексу в СССР. Теперь он стал первым председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. До него пока еще не доходило, что в этих чернобыльских местах повсюду сеется радиоактивное заражение. Уже были заражены и территория, и воздух, здания, сооружения, оборудование. Тут находился и министр энергетики А.И. Майорец, который только теперь признал, что действительно разрушен четвертый блок и взорван реактор. Вот только непонятно, кому пришла впервые в голову мысль, что надо срочно укрывать реактор в бетон, ибо, что делать с раскаленным и адски зараженным реактором, пока никто из прибывших светил не знал. Нужно было принимать немедленно решение об эвакуации. Но Щербина не торопился с эвакуацией. Он весьма спокойно сказал: «Не торопитесь с эвакуацией». Я больше чем уверен, что до Бориса Евдокимовича еще не доходила величайшая опасность радиации, нависшая над жителями не только городов Припяти и Чернобыля...

Председатель правительственной комиссии призывал всех, кто с ним находился, думать над тем, как заглушить реактор. Он воистину не верил, что реактор укротить нельзя. Он хорошо помнил, что в бытность его министром газовой промышленности пожарные часто укроцали разбушевавшиеся пожары на газовых скважинах и порою очень подолгу. Но то были газовые скважины...

После того, как Щербина объявил о мозговом штурме, досужие умы понесли всякую околесицу. Одни предлагали поднять на вертолете огромный бак с водой и плюхнуть его на реактор. Сам Щербина предложил нагнать в подводящий канал, что был рядом с блоком, водометные катера и оттуда залить водой раскаленный реактор. Но кто-то из физиков убедил, что этого делать нельзя, так как ядерный огонь водой погасить невозможно: вода будет испаряться, и пар с топливом накроет все окрестности, — и эта идея отпала.

Один из досужих на ходу предложил забросать реактор песком и закрыть его, таким образом, наглухо. К сожалению, идею подхватили. Тут же запросили из Киева вертолетчиков.

Заместитель командующего ВВС Киевского военного округа генерал-майор Н.Т. Антошкин направился с вертолетчиками в Чернобыль. Тем временем правительственная комиссия, наконец, стала решать вопрос об эвакуации. Особенно настаивали на ней представители Гражданской обороны СССР и медики из Минздрава СССР. «Эвакуация необходима немедленно! — горячо доказывал первый заместитель министра здравоохранения СССР Е.И. Воробьев. — В воздухе плутоний, цезий, стронций... Состояние пострадавших в медсанчасти свидетельствует об очень высоких радиационных полях. Щитовидка людей, детей в том числе, наспигована радиоактивным йодом. Профилактику йодистым калием никто не делает. Поразительно!..»

Борис Евдокимович подвел итог: «Эвакуируем город 27 апреля. Всю тысячу сто автобусов подтянуть ночью на шоссе между Чернобылем и Припятью. Вас, генерал Бердов (замминистра внутренних дел УССР. — Н.Т.), прошу выставить посты к каждому дому. Никого не выпускать на улицу. Гражданской обороне утром объявить по радио необходимые сведения населению, а также уточненное время эвакуации. Разнести по квартирам таблетки йодистого калия. Привлеките для этой цели комсомольцев».

Б.Е. Щербина, замминистра электроэнергетики Г.А. Ташарин и академик В.А. Легасов на вертолете поднялись в ночное небо и зависли над аварийным чет-

вертым блоком АЭС. Щербина в бинюль рассматривал раскаленный до ярко-желтого цвета реактор, на фоне которого хорошо были видны темноватый дым и языки пламени. Вся ядерная катастрофа была видна как на ладони...

Итак, запоздалое решение было принято. В 13 часов по радио прозвучало обращение к гражданам о временной эвакуации. В 14 часов эвакуация началась. Но даже списки на эвакуацию не были подготовлены, и милиционеры составляли их на ходу.

К каждому подъезду были поданы автобусы. По радио население еще раз предупредили: одеваться легко, брать с собой только минимум необходимых вещей, так как обещали через три дня вернуть всех обратно. Народ был обманут. Большинство людей послушались и даже не взяли с собой ни продуктов, ни денег, ни легких вещей. А ведь для эвакуации населения даже на короткий срок гражданской обороной предусматривалось определенное наименование и количество необходимых вещей. Будто гражданской обороны в эти роковые минуты и не существовало. Между тем, в соответствии с Положением о гражданской обороне мэр города Припяти является начальником гражданской обороны и лично несет ответственность за ее готовность и действия.

Часть эвакуированных людей была вывезена в населенный пункт Иванково и расселилась по деревням, но многие пошли пешком вплоть до Киева. Огромные толпы людей, женщин с детьми, стариков, шли по дороге и обочинам. Машины часто застревали в этих толпах. Все напоминало о минувшей Великой Отечественной войне.

Очень было трагичным расставание жителей с домашними животными: кошками, собаками. Это была жуткая картина, когда собаки подолгу бежали за автобусами. Уже позже одичавших животных пришлось отстреливать на улицах и дорогах: они были опасны для человека.

В ночь на 27 апреля генерал-майор Антошкин по личной рации вызвал первую пару вертолетов. Но без руководителя с земли вертолетчики в этой обстановке сесть не могли. Тогда генерал взобрался на крышу 10-этажной гостиницы «Припять» со своей рацией и стал руководителем полетов. С этой высоты был хорошо виден аварийный четвертый блок АЭС.

Утром 27 апреля по вызову Антошкина прибыли первые два вертолета, пилотируемые опытными летчиками Б. Нестеровым и А. Серебряковым. Этих летчиков я хорошо знал. Они произвели разведку с воздуха и начертили схему заходов на реактор для сброса песка. Подходы к реактору были весьма опасны, так как мешала главная вентиляционная труба АЭС. На высоте ста метров уровни радиации составляли около 500 рентген в час. А ведь для сброса песка необходимо было зависать над аварийным реактором на несколько минут.

Борис Евдокимович нервничал, так как вертолетчики еще не начали сбрасывать песок в реактор. Но не было ни мешков, ни песка, ни лопат, ни людей, которые грузили бы песок. Первый песок возле кафе «Припять» загружали в машину заместитель министра среднего машиностроения А. Мешков и генерал Антошкин. Это, так сказать, по рекомендации самого Щербины. Потом подключились к этому делу управляющий трестом «Южатомэнергомонтаж» А.И. Антощук, главный инженер А.И. Заяц, начальник управления Н.И. Выпирайло и другие.

Позже Анатолий Иванович Заяц с хуторов колхоза «Дружба» набрал около 150 добровольцев на эти изнурительные работы. Они-то и работали, не покладая рук, на загрузке мешков с песком в вертолеты. Никаких средств защиты тогда не было и в помине.

Первым на «бомбометание» вел вертолет военный летчик первого класса полковник Нестеров. Скорость машины составила 140 километров в час. Зависали

над щелью, образованной полуразвернутой шайбой верхней биозащиты и шахтой. Щель была всего метров пять шириной, и нужно было не промазать. Биозащита светилась, будто яркое солнце. Для сброса мешков с песком открывали дверь и на глазок бросали мешки. Никакой защиты на вертолете не было. Это уже позже додумались до свинцовой защиты снизу.

Первые 27 экипажей и помогавшие им А.И. Антощук, А.Ф. Дейграф и Д.И. Токаренко вскоре вышли из строя, и их отправили в Киев на лечение. Радиоактивность на высоте 110 метров из-за сброса песка в реактор значительно повысилась и составляла 1800 рентген в час. Пилотам становилось плохо в воздухе.

По состоянию на 1 мая вертолетчики сбросили 1900 тонн песка. В этот день Щербина сократил план сброса песка наполовину из-за того, что не выдержали бы бетонные конструкции, на которые опирается реактор. А всего было сброшено в реактор около 5 тысяч тонн сыпучих материалов.

Под этим грузом продолжал гореть графит в реакторе. К вечеру 9 мая около 21 часа в образовавшуюся пустоту рухнула эта масса песка, глины и карбида бора. Она выбросила из-под себя огромное количество ядерного пепла, а потому резко возросла радиоактивность на АЭС, в Припяти и во всей 30-километровой зоне. Этот пепел лег на Припять и окружающую местность.

Эффект от сброса песка и прочих сыпучих материалов был невелик, а может, даже и пагубен.

А вот как складывалась ситуация на атомной станции по линии гражданской обороны.

В 1 час 55 минут начальник штаба Гражданской обороны ЧАЭС подполковник запаса С.С. Воробьев был вызван директором АЭС В. Брюхановым по телефону на станцию. Стойка циркулярного вызова должностных лиц была в исправном состоянии, но директор АЭС решил ее не задействовать. Руководящий состав АЭС телефонистка оповещала только выборочно. Что это означает? Нерешительность директора АЭС Брюханова? Скорее, чрезмерная осторожность, «дабы не поднять лишней паники».

Воробьев, получив распоряжение директора о прибытии, захватил с собой секретаря парткома и в 2 часа 15 минут выехал на личном автомобиле на АЭС, в 2 часа 30 минут они уже были на станции. В это время прибывшие на станцию по вызову Брюханова собрались у встроенного в административно-бытовой корпус убежища гражданской обороны, но войти в это защитное сооружение не смогли, так как никто из присутствующих не знал, где хранятся ключи от входа. А ключи находились у начальника смены. Это тоже показатель формального отношения руководства АЭС к содержанию в готовности защитных сооружений. Всем руководителям был урок. Они стояли и ждали Воробьева. Но Серафим Степанович не побежал в убежище, а взял с собой прибор ДП-5В и один пошел замерять уровни радиации. Стрелка прибора зашкаливала. «Значит, дела плохи», — подумал Воробьев и помчался искать начальство. Долго искать не пришлось, так как все еще стояли у закрытого убежища. Серафим Степанович возмутился: «Если не знаете, где ключи, так уж давно бы взломали замок... Ах да, — добавил он, — еще нужно же суметь открыть герметические двери, а потом снова задраить их...»

Столь раздраженный тон Воробьева был результатом затянувшегося конфликта с руководством станции, порожденного, прямо скажу, наплевательским отношением администрации к нуждам гражданской обороны.

Между тем, Серафим Степанович открыл убежище, и в 2 часа 35 минут руководство спустилось в защитное сооружение. Воробьев доложил о высоких уровнях радиации вокруг АЭС, потребовал срочно разобраться в обстановке и принять меры. Однако директор АЭС Брюханов объявил всему руководящему составу...

начало учения по гражданской обороне, запросил соответствующие документы, на что ушло до 20 минут. Воробьев за это время решил замерить уровни радиации в убежище прибором ДП-5В. Ввиду того, что еще до аварии на ночь была включена система местной вентиляции для проветривания и сушки ограждающих конструкций убежища, то, естественно, радиоактивно зараженный воздух от аварийного реактора попадал во внутренние помещения сооружения, так как фильтровентиляция работала в «чистом режиме». Результаты замеров уровней радиации были доложены Брюханову, который распорядился выдать руководству противогазы и поднять по тревоге формирования гражданской обороны. Сбор формирований, по словам Воробьева, прошел неорганизованно, так как в ночное время эти формирования никогда и никто не поднимал по тревоге и не тренировал. Личный состав прибыл вместо назначенного пункта сбора прямо на станцию. Руководство АЭС этими вопросами состояния боеготовности не занималось.

В 2 часа 40 минут Воробьев по своей инициативе доложил об аварии оперативному дежурному штаба Гражданской обороны Киевской области, после чего лично решил провести детальную радиационную разведку вокруг четвертого энергоблока. Прибор ДП-5В вновь зашкаливал. Результаты разведки были доложены директору АЭС, но он им не поверил. Ясно, Брюханов струсил и все надеялся, что скоро аварию ликвидируют, а потому, дескать, зачем паника? Более того, как бывший военный химик — в свое время окончил академию химзащиты — Воробьев доложил, что след от реактора частично пошел по окраине города Припяти, и нужно срочно оповестить население и принять экстренные меры. Эти же результаты были сообщены в штаб Гражданской обороны Киевской области.

Воробьеву Брюханов приказал повторить еще раз разведку, но тот прежде сел в пожарную машину и поехал с майором Телятниковым на склад НЗ, чтобы выдать костюмы Л-1 и противогазы для личного состава пожарных. Кстати, у пожарных не оказалось ни спецзащиты, ни приборов разведки ДП-5В, а ведь охраняли атомную станцию! Склад находился в убежище. По пути к складу на асфальте были разбросаны куски графита, а уровни радиации даже в машине были значительные. Заместителю директора АЭС по науке Воробьев сообщил, что заметил на асфальте графит и пожарная машина едва его переезжает, в чем тот усомнился — то ли для отвода глаз, то ли действительно не понимая, что произошло. А появившийся главный инженер АЭС Н. Фомин заявил, что реактор «заглушен» и никакого графита не может быть на территории: «Это вам, Воробьев, что-то другое попало». Это басни, и вы не вносите панику на станцию».

С 5 часов 00 минут до 5 часов 30 минут начальник лаборатории отдела радиационной безопасности станции И.И. Коробейников тоже проводил замеры уровней радиации на границах промплощадки, и значения их в докладе были занижены в сотни раз. Более того, он дезинформировал Брюханова и заявил, что Воробьев распространяет ложные слухи и сеет панику среди людей, к чему надо принять меры, убрать его со станции.

После всего этого Воробьев взял с собой инженера из штаба Гражданской обороны АЭС Е.Н. Соловьева, и с двумя дозиметрическими приборами ДП-5В они выехали на очередную разведку. Разведку провели у административно-бытового корпуса, вокруг четвертого энергоблока, где по-прежнему приборы зашкаливали. Воробьев принял решение провести, разведку по большому радиусу по дороге на город Припять. На перекрестке дорог стоял милиционер без защиты. Ему было предложено покинуть пост ввиду высокого уровня радиоактивного заражения местности, но милиционер пост не покинул.

По возвращении на АЭС в 6 часов 20 минут Воробьев доложил результаты разведки Брюханову, который и теперь не поверил данным. Более того, директор приказал Воробьеву уйти с АЭС и больше не паниковать и не появляться на глаза.

Инженер Соловьев предложил проинформировать об этом инциденте секретаря парткома АЭС. Секретарь парткома все выслушал, но отказался что-либо предпринимать и сказал: «Убеждайте директора». А ведь людей надо было давно снять с постов и убрать со станции!

Халатность руководителей перерастала в преступление на глазах у подчиненных. Все это свидетельствует о проявлении полного невежества и безответственности руководящего состава, о низком уровне профессиональной подготовки по оценке радиоактивной обстановки и ее последствий, а также о недооценке и непонимании своих функциональных обязанностей по гражданской обороне. Но главным в преступном сокрытии масштаба аварии было то, что руководство АЭС заблуждалось о людях, которых было обязательно оповестить, уберечь и вовремя эвакуировать в безопасное место. Этого не произошло в первые сутки. Люди гуляли, справляли свадьбы, дети пошли в школу, любители рыбной ловли укатили на рыбалку.

По иронии судьбы накануне, в пятницу, в школах района прошли сборы по гражданской обороне. Дети показали на них очень неплохие знания правил защиты от радиоактивного заражения. И вот в субботу ребяташки, уже прослышавшие об аварии, придя в классы, спрашивали учителей: «Вчера же нас учили, что в подобных случаях нельзя выходить из дому до эвакуации. Почему же мы ходим по улице?» Что было отвечать учителям, если и более ответственные взрослые дяди будто забыли, чему их учили?

В 3 часа 00 минут — 3 часа 20 минут медицинская служба АЭС начала выдачу йодистых препаратов, запасы которых находились в цехах.

В 7 часов 00 минут Воробьев вынужден был открытым текстом доложить радиационную обстановку начальнику штаба Гражданской обороны Киевской области полковнику В.Г. Корнюшину, который после этого прибыл на АЭС, но никаких решительных действий не предпринял...

Как же понимать это парадоксальное, казалось бы, явление. Я уже поделился мнением, что истоком преступления должностных лиц стал страх. Но какова его природа? Чего они боялись? Не все же они трусы от рождения. Да и дальнейшее их поведение на АЭС показывало, что в ряде случаев они не боялись подвергать себя смертоносному облучению реактора. Так что же, борьба за правду, честное признание своей вины для них страшнее смерти?..

Тяжелые испытания не раз ложились на плечи нашего народа. Наверное, до самой смерти сохраняются в памяти ужасы войны, которые пришлось увидеть еще мальчишкой. Земля тогда действительно горела под ногами.

Не обошла война стороной и нашу семью. За месяц до ее начала отца взяли на переподготовку рядового состава. Ему тогда было сорок два года. Мы ждали, вот-вот вернется отец домой. 20 июня 1941 года брат Иван окончил Тамбовское училище и тоже известил нас, что скоро приедет в отпуск. Но ни отец, ни Иван так и не вернулись тогда. Более трех лет мы ждали их возвращения.

А наше село Гремячье — центр тогдашнего Гремяченского района Воронежской области — оказалось в 30-километровой прифронтовой полосе. 7 июля 1942 года при осуществлении операции «Клаузевиц» 6-я полевая фашистская армия направилась от Воронежа вдоль правого берега Дона через Малышево, Юневку и Гремячье. В село фашисты ворвались утром.

Моя память сохранила одну деталь захвата села немцами. В нашем саду уже созревали вишни. День был воскресным. Мама рано встала и собралась на базар, что посередине нашего районного центра, на горе. Я было увязался за ней. Но на этот раз она как будто предчувствовала недоброе и меня на базар с собой не взяла. Я остался у калитки и смотрел ей вслед. Увидел, как к ней на деревянной ноге подошел инвалид дядя Степа. Вдруг со стороны горы на бреющем полете появил-

то фашистский «мессершмитт» и пулеметным огнем полил нашу деревню. Какое-то мгновение — и дядя Степа, перерезанный пулеметной очередью, упал прямо в ноги моей маме. Она вначале от ужаса остолбенела, потом, поняв, что произошло, закричала громко на все село: «Люди, помогите!» Все, кто услышал крик матери, сбежались, в том числе и семья дяди Степы, но он был уже мертв. Это была первая жертва в нашем Гремячем.

Мама вернулась домой вся в слезах и в страшном испуге. Мы уселись вокруг нее, как цыплята вокруг заботливой наседки, и она тихонько сказала: «Кончилась и наша мирная жизнь, дети».

Через некоторое время в село ворвались фашисты на мотоциклах. Они облили хату Хрипуновых бензином и запалили. Семья едва успела выскочить в чем есть из дома. Видимо, это был какой-то сигнал, что фашистским войскам можно следовать через этот населенный пункт. Спустя несколько минут на машинах появились моторизованные части фашистской армии.

Несколько позже часть колонны — примерно машин пять-десять — остановилась в Гремячем. Вот тут мы впервые и увидели настоящих фашистов-головорезов. Как голодные звери, они бросились по домам и выгребли все продукты. Залезли и к нам несколько фрицев. Забрали хлеб, сало, мясо и даже чугунок с кашей. Все мы онемели, а когда они уходили со двора, то я, не понимая опасности, выхватил из ведра с углями головешку и бросил ее в спину одному. Видно, это его особенно не смутило, однако, он повернулся и погрозил кулаком. Зато мама схватила меня и, пожалуй, впервые в жизни дала подзатыльник.

Одновременно ворвались немцы и в райцентр, что на горе. В райотделе милиции дежурил наш сосед милиционер Чернушкин, совсем молодой парень. Заметив приближение немцев, он занял оборону и начал вести стрельбу. Несколько фашистов были убиты. По всей вероятности, когда у него кончились патроны, он попытался убежать в Гремяченский лес, что был неподалеку. Фашисты ранили его и схватили. Там же, на горе, у оврага состоялась казнь милиционера Чернушкина. Немцы согнали почти всех жителей Гремяченской горы, а кое-кто прибежал снизу. Пришли и его родители. Вначале фашисты вырезали на его груди пятиконечную звезду, потом перевернули и вырезали на спине две полоски кожи, а потом уже, после страшных мук, поставили на колени у оврага и расстреляли. Спустя сутки его похоронили в этой ерушке (так назывались у нас овраги). Фашисты не искали семью истерзанного милиционера, но мать и старшая сестра его в тот же день тронулись умом. Сестра и племянник по сей день живут одни на этой усадьбе Чернушкиных...

Лютая ненависть к фашистам рождала неистовую жажду мщения в сердцах односельчан. Ни одного дня не обходилось в Гремячем без происшествий, вплоть до нашей эвакуации. Ночью после казни милиционера Чернушкина были подожжены фашистские продовольственные временные склады и несколько автомашин. Подпольная комсомольская организация во главе с Иваном Баутиным действовала с первого дня и активно мстила за своих погибших земляков и унижения жителей.

Участились воздушные налеты на Гремяче. Мама распорядилась срочно отрыть в саду две глубокие землянки. Наподобие бомбоубежищ. Старшие братья и сама она отрывали землянки по всем правилам военной науки — Г-образной формы. Расчет на оборудование двух бомбоубежищ у мамы был прост: если в одно из них попадет бомба, то в другом в живых останется хотя бы полсемьи. Так поступали и другие жители. В садах рыли укрытия и маскировали их дерном и ветками. А для меня начиналось практическое знакомство с гражданской обороной, которая впоследствии стала моей военной судьбой.

Фашисты, между тем, настолько обнаглели, что выгребали у нас буквально все

подчистую. Забирали коров, поросят, кур и прочую живность. Для того чтобы не бегать за курами во дворах, они приспособили так называемые колотушки в полметра длиной с резиновыми набалдашниками. Заходит во двор фашистский ребенок и начинает охоту: бросает такую палку в курицу, и добыча в руках.

За сутки до нашей эвакуации из Гремячего мы с волнением наблюдали за трагедией в небе. Мама все говорила: «А вдруг там наш Ванюшка?» Бабушка Солоня стояла, плакала и все крестилась и просила: «Господи, спаси наших, спаси наших». Было видно, как фашистский самолет с черной свастикой задымился и упал в Аксенову ерушку.

В воздушном бою был сбит и наш самолет, который пронесся с длинным шлейфом дыма над Гремячим и упал на окраине села Семилуки, недалеко от огорода колхозницы Прасковьи Ивановны Щеголевой.

В самолете остался живым летчик 825-го штурмового авиационного полка 225-й авиадивизии Михаил Тихонович Мальцев, которому была дана боевая задача — поджечь Девичий лес, где скопилось большое количество техники фашистов. Раненый летчик при падении потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел двух женщин, которые пытались тушить самолет. Потом они извлекли из кабины летчика и потащили его в хату. И тут одна из женщин вбежала в дом и крикнула: «Тикайте быстрее! Немцы идут!» Прасковья Ивановна позвала старшего сына и велела ему сопроводить летчика по оврагу и далее в лес.

Немцы влетели в дом, учинили обыск и допрашивали Прасковью Ивановну, где летчик. Потом обшарили все небольшое село. Позже подъехали гестаповцы в черных фуражках. Гестаповский офицер начал избивать Прасковью Ивановну, пытая, куда спрятали военного летчика. Но Прасковья Ивановна твердила одно: «Не видела, не знаю...» Около десятка разъяренных эсэсовцев долго терзали Прасковью Ивановну, ее мать, детей, требуя сказать, куда исчез советский летчик.

Что стоило Прасковье Ивановне ради спасения всей семьи указать на тот овраг, по которому ушли летчик и ее сын? Но она этого не сделала. Тогда немцы расстреляли всех, кто был в доме, и сбросили тела в погреб. Спустя несколько дней старшая дочь Татьяна, которая жила отдельно, и родственница Екатерина Герасимовна похоронили всю семью во дворе дома. Значительно позже погибшей семье был поставлен памятник.

И таких примеров выполнения патриотического долга было множество среди населения оккупированных сел...

Не раз в трудные минуты черныбыльских событий я задавал себе вопрос: каким образом в народе, не раз проявлявшем такую высоту духа, не раз с презрением смотревшем в глаза смерти, демонстрировавшем чудеса храбрости, самоотверженности, жертвенности во имя общего дела, вдруг находили питательную среду и расцветали пышным цветом такие гнусные пороки, как предательство, трусость, подлость, ложь и клевета? Где их истоки?

Конечно, во все времена были разные люди, в том числе и с самыми низменными нравственными качествами. Но почему же у нас именно такие на длительные периоды оказывались наверху? Что за дикий круговорот событий: люди непорядочные захватывают власть — в центре или на местах, — пользуются связанными с ней благами, доводят нацию до страшных бедствий, для спасения от этих бедствий призывают людей с истинно высоким духом, а когда те сделают свое дело, опять отодвигают их в тень, сами продолжая оставаться наверху? Что это? Закономерность? Неизбежность? Возможно ли, и как порвать этот порочный круг? Какие социальные явления лежат в его основе?

Давно прошли времена, когда несогласие с начальством, отстаивание собственного мнения могло стоить свободы, а то и жизни. И тем не менее... Тем не менее, и сегодня нередко приходится встречаться, скажем, с летчиком-испытателем или сапером, смело смотрящим в глаза смерти, но боящимся поднять голос в защиту правды. А мало ли мы знаем примеров из истории, когда беззакония творились на глазах бесстрашных в прошлом революционеров или когда герои Великой Отечественной, по сути дела, становились молчаливыми соучастниками преступлений власть имущих в конце 80-х — начале 90-х годов?

Разобраться во всем этом очень непросто. По-разному пытаемся мы объяснить эти явления. Говорят о том, что героический поступок на поле брани стоил жизни самому герою, а несогласие с руководством в былые времена угрожало всей его семье. Может быть, и в застойные годы гораздо легче было решиться на разовый мужественный поступок, чем на длительную, изнуряющую борьбу за справедливость, стоящую нервов, здоровья, положения в обществе, материальных благ и для себя, и для своей семьи. Приходилось слышать и другие объяснения.

Как бы то ни было, но способность различать правду и отстаивать ее, иначе говоря, совесть граждан, — это своеобразный иммунитет общества. Ослаб этот иммунитет, и вот уже проникают в общественный организм злокачественные клетки коррупции, лжи, карьеризма. Не будучи опознанными и не получая должного сопротивления, они завоевывают все более широкое жизненное пространство, метастазы поражают все новые и новые органы. Спасти общественный организм можно только объединенными усилиями тех, кто видит опасность и способен с нею бороться.

Особенно велика значимость нравственных качеств сейчас, когда в руках человека оказались такие силы, которые могут принести высочайшие блага людям, но могут привести их и к катастрофе. И если раньше человеку приходилось бороться со стихией, то теперь нередко приходится сражаться с вышедшими из-под контроля опаснейшими продуктами собственного труда, что и произошло в Чернобыле.

